

Первого сентября начался учебный год в начальной школе Чаннин. Ранее эта школа носила название «Юэцзинь», но в 1978 году была переименована в Чаннин. Школа расположена в деревне Чаннин, соседней с деревней Люцзя, отделенной от неё холмом. Это также деревня, где жила бабушка А-Хуа, и она находилась чуть ближе к уездному центру, чем Люцзя, а также была чуть более зажиточной. Директор школы Чаннин тоже был уроженцем этой деревни.

Дедушка Лю дал директору школы немного подарков и сумел устроить Лю Сычэня, который ещё не достиг школьного возраста, в первый класс.

Лю Чансин два дня назад уже уехал в посёлок, чтобы начать учёбу в средней школе. Черная Обезьяна А-Хуа училась во втором классе и с самого утра пришла, чтобы дожидаться Лю Сычэня и вместе пойти в школу. В первый день занятий дедушка Лю, беспокоясь о внуке, взял с собой деньги на обучение и отправился вместе с ним.

Когда дедушка Лю, оплатив обучение, вернулся к внуку, он увидел, что маленький мальчик, который был на голову ниже своих одноклассников, уже сидел за первой партой, получил новую тетрадь и старательно выводил своё имя карандашом, склонившись над листом.

Дедушка Лю простоял снаружи два урока, убедившись, что внук хорошо адаптировался, и спокойно отправился домой.

Лю Сычэнь сидел в простом классе, слушая учителя с предельной внимательностью, его маленькое тело было выпрямлено, но взгляд, устремлённый на доску, уже застыл, а мысли унеслись куда-то далеко.

О том, сколько будет один плюс один, как читать и писать иероглифы «человек», «небо» и «рот», а также как произносить «В начале человек добр по своей природе», он застыл в растерянности, чувствуя смесь смеха и слёз. Он хотел поскорее пойти в школу, чтобы остаться в деревне Люцзя до окончания начальной школы, но забыл, как тяжело сидеть в классе шесть уроков подряд.

Во время обеденного перерыва Лю Сычэнь тайком пробрался в Лекарственный сад и достал оттуда медицинскую книгу. После начала уроков он осторожно положил её под тетрадь и начал тайком заучивать.

Так, в первый же день учебы маленький Лю Сычэнь начал то, что станет его пятилетней привычкой отвлекаться на уроках.

Учитывая, что многие дети жили далеко, школа заканчивалась после двух уроков во второй половине дня. Лю Сычэнь и Черная Обезьяна А-Хуа вернулись в деревню Люцзя только к четырём часам.

Лю Сычэнь, с маленьким тканевым рюкзаком за спиной, ворвался в дом, почувствовав соблазнительный аромат. Его глаза сразу же расширились, он глубоко вдохнул и не смог сдержать слюну, быстро направившись на кухню.

— Дедушка! Дедушка! Я вернулся, как вкусно пахнет! — Лю Сычэнь бросился к ногам дедушки Лю, его большие глаза сверкали, и он изо всех сил старался заглянуть в кастрюлю, откуда исходил аромат.

— Хе-хе, твой дядя Чэнь поймал двух зайцев, и я обменял немного риса на одного, — сказал дедушка Лю, зная, что внук обожает мясо, и сердце его разрывалось от жалости к ребенку. В деревне, где даже люди едва наедались, не было возможности держать домашний скот. Своих

животных не было, а без мясных талонов купить мясо в городе было невозможно.

Большинство семей в деревне Люцзя носили фамилию Лю, но были и несколько семей с другими фамилиями. Семья Чэнь была одной из них. Чэнь Цзяньго много лет назад приехал сюда с семьёй, спасаясь от бедствий, и, увидев, что местные жители просты и добродушны, решил здесь остаться. Чэнь Цзяньго был искусным охотником и время от времени приносил домой добычу.

Однако в горах Вэйчэна не было крупной дичи, разве что зайцы, фазаны, ежи и бамбуковые крысы. В прошлые годы, когда времена были особенно тяжёлыми, Чэнь Цзяньго рисковал и тайком обменивал добычу на зерно в уездном центре. В последние два года ситуация немного улучшилась, и он стал открыто обменивать добычу на еду в деревне.

С момента рождения Лю Сычэнь ел мясо, которое приносил Чэнь Цзяньго. В деревне только дедушка Лю жалел ребёнка и раз в месяц обменивал зерно на мясо для него.

— Дедушка, ты самый лучший! — Лю Сычэнь был невероятно счастлив. Мясо он ел только раз в месяц или два, и каждый раз это приводило его в восторг. Как говорится, еда — это основа жизни, и вкусная еда способна отвлечь от всех проблем.

Вечером дедушка с внуком доели половину тушеного в собственном соку зайца, а оставшуюся часть посолили и опустили в колодезную воду, чтобы съесть на следующий день. Лю Сычэнь, довольный и с полным животиком, разложил перед собой «Канон Шэньнунга по лекарственным травам», который дал ему дедушка.

Медицинский путь был долгим и сложным, особенно в случае с традиционной китайской медициной, зародившейся в первобытном обществе и развивавшейся на протяжении тысячелетий. Она вобрала в себя опыт и теоретические знания древних людей в борьбе с болезнями. Одному человеку практически невозможно полностью изучить и освоить её.

Лю Сычэнь просто надеялся, что сможет сделать всё возможное. Прожив одну жизнь, у него не было грандиозных амбиций, но он хотел быть полезным, спасти людей от болезней и страданий. Он не хотел разочаровывать небеса, которые дали ему второй шанс, не хотел подводить родителей, которые боролись за его счастье, не хотел разочаровывать дедушку, который с любовью растил его и надеялся, что он продолжит семейную традицию медицины, и не хотел разочаровывать предков семьи Лю, оставивших ему прекрасный Лекарственный сад и медицинское наследие.

Дедушка Лю, опасаясь, что внуку будет скучно учить тексты, сначала выбрал для него книги о травах, объясняя их на примере настоящих растений, и рассказывал интересные истории, чтобы Лю Сычэнь слушал с удовольствием и быстрее запоминал сложные фразы.

Через несколько дней Лю Сычэнь встретил свой первый выходной после начала учёбы. Лю Чансин тоже вернулся в пятницу вечером, уставший и запыхавшийся, из уездного центра. Лю Сычэнь, глядя на Лю Чансина, который всё ещё носил одежду с заплатками и улыбался им, вдруг вспомнил о юноше по имени Гу Яо.

Этому юноше было столько же лет, и, по логике, он тоже должен был учиться в средней школе в уездном центре, как Лю Чансин, но, похоже, он не продолжал учёбу.

Лю Сычэнь помнил, как Лю Чансин говорил, что юноша приехал сюда лечиться, но, судя по его внешнему виду и выражению лица, он не выглядел больным. Лю Сычэнь вспомнил три больших ящика с книгами, которые привёз с собой юноша. Юноша из Пекина, почему же он не учится?

Лю Сычэнь не мог держать свои мысли при себе и поделился своими сомнениями с Лю Чансином. Тот слегка вздохнул и сказал:

— Наверное, не то что не хочет, а не может себе позволить. Моя тётя точно не даст ему денег на учёбу.

Лю Сычэнь нахмурился:

— Он приехал один в бедную деревню, и у него нет денег? Как его семья могла так поступить?

Лю Чансин покачал головой, тоже нахмурившись, но не нашёл подходящего объяснения и перестал думать об этом. Однако, заметив, что ребёнок всё ещё хмурится, надув губы, и в его глазах, похожих на виноград, появились боль и негодование, он улыбнулся.

— Эй, ты же называл его чернолицым, говорил, что он похож на печника, а теперь так заботаешься о нём? — Лю Чансин ущипнул нежную щеку ребёнка, пока тот не покраснел от смущения и не начал злиться.

В сердце Лю Сычэня остался небольшой камень. Прожив одну жизнь, он знал, насколько важно образование, и понимал, что через десять лет диплом станет ещё более значимым. Думая о возможном мрачном будущем юноши, который, возможно, будет вынужден работать физически, чтобы выжить, он чувствовал боль. Это не должно было быть концом для этого ребёнка.

Сейчас ситуация улучшилась, и дети из деревни Люцзя могли закончить среднюю школу, а затем стать учениками и освоить какое-нибудь ремесло — это тоже была неплохая перспектива. Но юноша его возраста, бросивший учёбу и оставшийся дома, был редкостью.

А Гу Яо, о котором Лю Сычэнь молча думал, сидел в маленькой кладовке в доме тёти Лю Чансина, держа в руках книгу, но не мог сосредоточиться. Его положение было хуже, чем представлял себе Лю Сычэнь. Его семья бросила его здесь, и у него не было денег. Тётя Лю Чансина сначала позволила ему жить с его двоюродным братом, но теперь выгнала его в кладовку.

Гу Яо, живя на милость других, не ожидал такого обращения. Теперь он оказался в затруднительном положении, не зная, что делать.

Тётя Лю Чансина продолжала ругаться за дверью, ворча и бросая слова вроде «дармоед», «сорванец» и «больной». Гу Яо старался не обращать внимания, но не мог сосредоточиться на чтении.

Снаружи наступила тишина, и он подумал, что она устала ругаться, но через некоторое время услышал звонкий детский голос.

— Тётя, а где Сяо Фэй? — Это был Лю Сычэнь.

— Ой, маленький доктор пришёл? Хочешь поиграть с моим Фэй Фэй? Он в своей комнате, иди к нему, — тётя Лю Чансина была очень рада, на её лице заиграла широкая улыбка, и она тут же пригласила Лю Сычэня в дом.